

Вандализм немцев в Ясной Поляне — сталинская пропаганда?

30 октября 1941 года Ясную Поляну заняли немцы. Оккупация длилась 45 дней. После кровопролитных боев усадьба великого писателя была освобождена. На следующий же день «Правда» напечатала статью о вандализме гитлеровцев в Ясной Поляне. О пожарах, грабежах, глумлении немцев над памятником мировой культуры мир узнал из ноты народного комиссара иностранных дел Вячеслава Молотова.

Прошло более полувека, но к разговору о яснополянской трагедии 1941 года то и дело возвращаются историки, музейщики, журналисты. Новый всплеск эмоций вызвало расследование, проведенное в Германии.

ТАК УЖЕ было. 9 января 1942 года немецкая сторона попыталась опровергнуть ноту Советского правительства, касающуюся, в частности, событий в Ясной Поляне. Ответ был дан на Нюрнбергском процессе.

В 1965 году тема эта была вновь поднята еженедельником «Шпигель», затем появилась статья в журнале «Кристалл». И вот теперь — книга А. Штерцля. Ясная Поляна Германия будоражила и будоражит. Основной мотив, как и прежде: советская пропаганда ввела в заблуждение мировую общественность.

Уж что-то, а советскую пропаганду мы изучали «не по Гегелю», нам она знакома до боли.

Однако дорога познания начинается с сомнений. Взяв на вооружение этот метод, я отправилась в Тулу. Если, размышляя я, советская пропаганда твердит, что немцы осквернили и разорили Ясную Поляну, то наверняка они, наоборот, ее оберегали, устраивая в промежутках между боями в доме Толстого литературные диспуты и благотворительные чаепития. Начало сомнению, а значит, и познанию было положено.

Пока ехала рейсовым автобусом в Ясную Поляну, думала, чем продолжу. Продолжила дознанием, высидев над многотомным домом. — «Слава советскому народу». Подумав немного, я весьма неоригинально подвергла его сомнению. Затем то же проделала с Лениным-большим на одной из площадей в Туле и с Лениным-маленьким у здания Яснополянской школы, основанной в честь столетия со дня рождения Л. Н. Толстого. Легкости и ясности, однако, не наступило. Тогда в отчаянье я подвергла сомнению пруд в имении графа Льва Николаевича, тот самый, где Толстой вместе с веселой компанией домочадцев и друзей катался на коньках и очень старался, выдвывая на льду замысловатые туры. Пруд мне не казался благополучным. «А тот ли это пруд?» — с тревогой думала я. — Ноябрь уж, а он все не желает замерзнуть...

Досомневавшись до полной ерунды, я отправилась по Препшенту, затем мимо знаменитых толстовских яблоневых садов, где на голых, без листьев, ветках все еще висели яблоки, мимо бывшей графской конюшни — в библиотеку музея. Здесь со мной обещал встретиться Николай Павлович Пузин, один из старейших сотрудников музея в Ясной Поляне. С 1945 года до оформления пенсии он был главным хранителем, сегодня занимает здесь же пост ведущего сотрудника. И человек, и ученый, по отзывам коллег, «точный и аккуратный, у него иголки не пропало». И сам Пузин, и пришедшая на встречу Мария Константиновна Кукульская, учительница и руководитель яснопо-

лянского школьного музея Л. Н. Толстого, о книге Антона Штерцля уже знали. На днях в Ясную Поляну приехали газета «Тверская жизнь» со статьей корреспондента РИА «Новости» Е. Константиновой «Ясная Поляна в 1941 году: правда и пропаганда». Да, кто-то по дороге сомнений и познаний шагнул резвее меня.

В 1944 году, — рассказывает Пузин, — я вел экскурсию по залам музея. Среди экскурсантов было много военнопленных. Комнаты уже были восстановлены, на стенах — рамы от картин, пустые. До моего возвращения из эвакуации такие же экскурсии вел Сергей Иванович Щеголев. Большая часть коллекции все еще хранилась в Темском государственном университете. 87 ящиков с книгами личной библиотеки Толстого, 4 ящика с вещами из дома Толстого, дополнительные ящики с разными материалами и документами. А всего — 110... Единственный предмет, который не вернулся из Томска, пропал, — пузырек из-под анисового масла без пробки. В мемориальном музее все ценно: и ручка, и гусиное перо, и пузырек. И все тщательно

музея повесили надпись: «Betreten verboten» («Вход воспрещен»), а в конце ноября на дверях залы и подвала наклеили бумагу, тоже по-немецки: «Конфисковано для Верховного командования». Вывески эти, однако, не помешали устроить там казарму, госпиталь... Первая вывеска простояла день, другие — не многим более.

— Николай Павлович, — спросила я, — вы считаете, все, что происходило в Ясной Поляне, можно обозначить словом «вандализм»?

— Да, считаю. Толстой принадлежит не только русскому народу, он — часть мировой культуры. Разве не вандализм — поджечь дом Толстого? А фашисты, отступая, так и сделали. Что его спасло? По-моему, чудо. Когда повалил дым из окон библиотечной комнаты, горелочка людей броси-

но верю. Как верю свидетельствам М. И. Щеголевой и М. П. Маркиной, И. В. Егорову и Б. С. Филатову и массе других людей, которых хорошо знал. Есть фотографии, сделанные спустя три дня после ухода немцев, есть кадры кинохроники...

В книге Штерцля кадры кинохроники тоже ставятся под сомнение: мол, возможно, они сделаны еще в октябре, при отступлении русских.

— Ложь, дальше ехать некуда. Стоит ли вообще опровергать подобные утверждения? Они — на совести автора книги. Что касается открытия музея 24 мая 1942 года... Тогда весь мир был потрясен событиями, происшедшими в Ясной Поляне. На станцию пришел специальный вагон со стройматериалами. В архиве также есть все документы по этому поводу. Работа шла, без преувеличения, день

и ночь. Повреждения были в трех комнатах — спальне Толстого, комнате его жены и библиотеке. В библиотечной комнате, например, новый пол, новые наличники, новая половинка двери, новая рама, новый подоконник... Нас с Софьей Андреевной Толстой-Есениной (она была директором) начальство много ругало за то, что мы не восстановили тогда же стеллаж, но в инвентарных книгах не было его точных размеров. А у стариков музейщиков есть замечательное неписаное правило: «Не знаешь — не ври»...

Стоит ли продолжать дальше и отвечать на каждый тезис немецкого публициста? Нужно ли вновь, в который раз, восстанавливать подробности событий тех дней в Ясной Поляне? Подсчитывать, насколько больше в сравнении с Царским Селом или Михайловским повезло усадьбе Толстого. Или сравнивать отчеты специальной комиссии АН СССР, работавшей в музее 26 и 27 декабря 1941 года, с другими актами и искать в них несоответствия и, возможно, находить такие, а затем делать выводы о степени достоверности сталинской пропаганды.

Прочитав опубликованные на эту тему монографии, поговорив со специалистами, я поняла: фактографические ответы существуют уже давно, они известны и многократно растира-

Лев Толстой... под защитой Гудериана

Немцы были в Ясной Поляне, но не разоряли и не оскверняли ее, считает автор недавно изданной книги «Домик Толстого: между войной и миром». Антон Штерцль, публицист из ФРГ, лауреат ряда авторитетных премий, в том числе и за «образцовые репортажи по современной истории».

Этот вывод он делает на основании дневников и писем очевидцев — немецких солдат и офицеров, а также своих бесед со свидетелями событий в Ясной Поляне. Но прежде чем обратиться к ним, Штерцль долго и подробно знакомит читателя с довоенным периодом сталинских репрессий, с тем, как «советская пропаганда создавала образ кровавого врага-немца, чтобы начать священную войну».

Немецкий публицист сообщает, что он далеко не первый на Западе, кто «не согласился со страшными обвинениями в адрес немцев». Еще 24 апреля 1964 года жившая в Нью-Йорке дочка Толстого, графиня Александра, написала ему, что «очень сомневается в том, что так могло быть».

Любопытно, замечает Штерцль, что уже 24 мая 1942 года музей-усадьба и литературный музей в Ясной Поляне были вновь открыты для посетителей. Как могло это случиться, если все было разорено и уничтожено, спрашивает автор. И тут же цитирует книгу «Ясная Поляна», вышедшую в 1956 году в издательстве «Детская литература». В ней по обыкновению идет речь о «фашистских злодеяниях», но традиционный длинный список разрушений отсутствует, упомянуты лишь поврежденные книжная полка и sofa. Не слишком ли мало для суровых обвинений, допытывается Штерцль. И опять приводит в пример советскую публикацию — напечатанную к 150-летию со дня рождения Л. Толстого статью Ольги Булгаковой, дочери его последнего литературного секретаря. Рассказывая о Ясной Поляне, она уверяет, что в «этих комнатах и атмосфера, и обстановка, как в толстовские времена». Упомянута даже sofa, на которой появились на свет и сам Толстой,

и его дети. Как же так, восклицает Штерцль, ведь в отчете комиссии Академии наук (декабрь 1942 года) эта sofa значится «похищенной или сгоревшей».

Главные доказательства невинности немцев — свидетельства солдат и офицеров вермахта, начиная с генерала Гудериана и заканчивая обер-лейтенантом Питером Францем, последним покинувшим усадьбу Толстого. Оказывается, сам фюрер «был озабочен, чтобы ничего не случилось с этой национальной святыней». Штерцль верит на слово адъютанту Гитлера генерал-лейтенанту Герхарду Энгелю, что «фюрер согласился с необходимостью мер по охране усадьбы и гробницы Толстого». Равно и Гудериану, который якобы лично отдавал приказ беречь памятники Ясной Поляны. Как можно возводить обвинения в вандализме на нацию, читавшую и почитавшую Толстого как классика мировой литературы, переходит на эмоции автор книги. И указывает наконец виновных: «Вполне возможно, что кинооператоры Красной Армии вели съемки еще во время ее отступления 29 октября 1941 года, когда в результате бомбардировки была разрушена яснополянская школа и начались пожары». Зачем? «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», — напоминает ленинские слова Штерцль. Почему бы и не воспользоваться им для «разжигания ненависти к немецким варварам», для «пробуждения русского патриотизма и советского сопротивления»? Вот и пошла, по Штерцлю, гулять «дезинформация», которую подхватили «другие немцы» — Иоганнес Бехер, Анна Зегерс...

Конечно, многим патриотам в России новая версия событий в Ясной Поляне причинит боль, однако только знание подлинной истории открывает дорогу в будущее, заключает Штерцль.

С этим выводом нельзя не согласиться. А вот насколько убедительна сама версия немецкого публициста?

Валентин ЗАПЕВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»

ВОНН

Усадьбу спасло чудо

учитывается. За период оккупации в доме Толстого было утрачено 99 мемориальных предметов и испорчено 19. В архиве музея сохранился акт о повреждении вещей.

Факты — вещь упрямая, акты — тем более. Они опубликованы. Но, кроме этого, есть свидетельства людей, находившихся в те дни в Ясной Поляне, есть дневниковые записи Сергея Ивановича Щеголева, главного хранителя музея, и его сестры Марии Ивановны Щеголевой. Мы подвергаем сегодня сомнению и на то есть все основания) заявления политиков, договоры и пакты — словом, все, что входит в понятие «советская пропаганда». Но музейщики во всех странах — народ особый, если хотите, странный. И живут они по правилу: «мемориальный предмет — святыня». Именно потому Мария Ивановна Щеголева, не думая о последствиях, вырвала из рук немецких солдат толстовскую мебель, обреченную на распродажу.

Щеголева, как и ее брат, упрямо, упорно и тайно вела ежедневные записи о жизни музея и уж с понятием «пропаганда» их никак не связывала. Иначе чем объяснить, что среди прочего она пишет и о «других» немцах, которые понимали и величие Толстого, и ценность музея? О том, что на второй день после прихода оккупантов в Ясную Поляну на двери дома-

жированы. Их можно оспаривать, с ними можно соглашаться. Николай Павлович Пузин прав: нынешний разговор скорее о нравственности. Конечно, старожилам Ясной Поляны, всем людям, кому дорого имя Толстого, его творчество, книга Антона Штерцля — не подарок. Но она существует и открыта для сомнений, которые приведут к знанию.

Штерцль собирал материалы для книги много лет. Но свою правду он собирал только на своей «территории». Точно так же, как авторы наших книг — на своей. У нас не было желания выныкнуть в доводы противников. Даже мысль об этом отвергалась гневно и бескомпромиссно. И в этом смысле немецкая книга мне видится зеркальным отражением советских.

Я далека от мысли, что объяснения бывших оккупантов были бы исчерпывающе правдивы и убедительны. И все же. Было ли осквернение Ясной Поляны актом злонамеренно спланированным? Сегодня я так уже не думаю. К тому же многие ценные экспонаты были вовремя вывезены сталинским правительством, за что ему искреннее спасибо.

Отнеслись ли немцы с должным уважением к усадьбе и оставшимся там сотрудникам, к мемориальным вещам Толстого? Совершенно очевидно, что нет. Пиетета перед именем Толстого, в общем, не было. Результат известен всем.

Но особого пиетета не испытывали и наши воины. До фашистов в Ясной Поляне размещались советские войска. В доме князей Волконских — штаб дивизии, батальон — в двухэтажной школе. В записях С. И. Щеголева за эти дни говорится: «Усадь-

ба превращена в военный лагерь. Около Бытового музея, в парке, в саду, в Черыже всюду десятки машин». «Мы, работники музея, — рассказывал позднее С. И. Щеголев, — боялись за сохранность музея. Нам казалось, что за неимением места воинские части займут помещение музея. Но этого не случилось». Это случилось позднее, когда вошли немцы.

Какую же роль сыграла в истории с Ясной Поляной «советская пропаганда»? Ответ однозначный: она сыграла огромную роль. Нагнетались ли митинговые страсти и эмоции? Безусловно. Но даже с поправкой на митинг мы получим все те же основания заявить: да, то, что совершили немцы в Ясной Поляне, — вандализм. Это вандализм войны. Это она совершила преступление против великого писателя и гуманиста.

Ирина ТОСУНЯ